

НИЛ СТИВЕНСОН
НИКОЛЬ ГАЛЛАНД

Посвящается Лиз Дархансофф

От авторов

К читателю: для вашего удобства мы добавили список персонажей, а также словарь сокращений и терминов мира Д.О.Д.О. Поскольку эти перечни содержат множество спойлеров, мы поместили их в конец книги.

Н.С. и Н.Г.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Диахроника

(вступление, июль 1851 г.)

Меня зовут Мелисанда Стоукс, и это моя история. Я пишу в июле 1851 года (нашей эры, или, чего уж тут юлить, от Рождества Христова) в гостевой комнате зажиточного дома в Кенсингтоне, Лондон, Англия. Однако я не уроженка этого места и времени. На самом деле больше всего я хочу отсюда ~~на фиг свалить~~ выбраться.

Но это вам уже известно. Поскольку, закончив свои записки, которые называю ДИАХРОНИКОЙ (почему — скоро разъяснится), я отнесу их в неприметное отделение банка Фугтеров на Треднидл-стрит, запиру в депозитный ящик и передам самому влиятельному лондонскому банкиру, а тот поместит их в сейф на сто шестьдесят с лишним лет. Фугтеры лучше кого бы то ни было понимают опасность диахронического срыва. Они знают, что открыть ящик и прочесть записки раньше времени — значит вызвать катастрофу, которая сотрет финансовый центр Лондона с лица Земли и оставит на его месте дымящийся кратер.

Вообще-то это будет хуже дымящегося кратера... но именно так событие войдет в историческую летопись после того, как выживших свидетелей отправят в сумасшедший дом.

••• НИЛ СТИВЕНСОН, НИКОЛЬ ГАЛЛАНД •••

Я пишу стальным пером-вставочкой номер 137В производства бирмингемской фирмы «Хьюс и сыновья». Я попросила самое тонкое перышко, отчасти чтобы меньше тратиться на бумагу, отчасти чтобы им легче было проткнуть палец и выдавить капельку крови. Бурое пятно в верхней части этого листа можно будет проанализировать в любой ДНК-лаборатории XXI века. Сравните результаты с материалами из моего досье в штаб-квартире ДОДО, и вы убедитесь, что я — ваша современница, пишущая в середине XIX столетия.

Я намерена подробно изложить, как сюда попала, какими бы бредовыми ни казались мои объяснения. Говоря словами Питера Гэбриэла, певца и музыканта, который родится через девяносто девять лет: это будет мое заявление.

Заявляю, что я здесь против своей воли и меня *перенесли* сюда из 8 сентября 1850 года из Сан-Франциско в Калифорнии (за день до того, как Калифорния стала штатом США.)

Заявляю, что я из Бостона первой четверти XXI века. Там я работаю в Департаменте организации диахронических операций, секретном правительственном учреждении, где все пошло наперекосяк из-за внутренней измены.

Сейчас, когда я пишу, в 1851 году, магия угасает. Исследования, проведенные мною по заказу ДОДО, показали, что окончательно она исчезнет к концу этого месяца (28 июля). Когда это произойдет, я застряну в постмагическом мире до скончания дней, и о моей судьбе узнают лишь из этих записок. Мне удалось найти приют в благоустроенном (по меркам 1851 года) доме, где у меня есть перо, чернила, досуг и возможность писать вдали от посторонних глаз, но все это я получила за счет свободы: хозяева не выпустят меня одну даже для вечернего

..... ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ДОДО .....

променада, а уж тем более — на поиски спасительницы-ведьмы.

Одно предварительное замечание. Если кто-нибудь из ДОДО это прочтет, бога ради, добавьте корсетье в список сообщников, которых надо вербовать в любом викторианском ВиМНе. Корсеты шьются индивидуально по женской фигуре, и очень неприятно просить чужой или покупать готовый, хотя прислуга и женщины победнее так обычно и поступают (но не зашнуровывают их туго, так как занимаются физической работой). Поскольку меня здесь держат из милости, я не хочу обременять хозяев просьбой заказать еще и корсет, но тот, что на мне сейчас (одолженный у хозяйки), жмет немилосердно. По сравнению с ним ренессансный корсаж — просто бикини. Кроме шуток.

Диахроника

день 33 (конец августа, 0 год)

*В которой я знакомлюсь с Тристаном Лионсом
и опрометчиво ввязываюсь в историю, не подозревая,
во что это выльется*

Я встретила Тристана Лионса в коридоре кафедры древних и классических языков Гарвардского университета. Я была внештатным преподавателем, то есть вела те курсы, на которые никто другой не польстился. Без возможности заниматься научной работой и без уверенности, что мой контракт продлят в следующий раз.

В тот день, идя по коридору, я услышала сердитые голоса из кабинета заведующего кафедрой, доктора Роджера Блевинса. Дверь в кабинет была чуть приоткрыта. Обычно она стоит нараспашку, чтобы мы видели выставку всех заслуженных и незаслуженных дипломов и грамот на стене, либо плотно закрыта, и тогда надпись: «Не

беспокоить» псевдоготическим шрифтом 48-го кегля напоминает, что общаться с доктором Блевинсом — великая честь.

Но тогда она была, вопреки обыкновению, приоткрыта. Меня разобрало любопытство, и я заглянула внутрь — в тот самый миг, когда подтянутый мужчина решительно выходил из кабинета и на пороге обернулся к Блевинсу с выражением не то брезгливым, не то насмешливым. При этом он задел бицепсом мое плечо, да так, что я отлетела и растянулась на полу. Он машинально попятился и с громким стуком впечатался рюкзаком в косяк. Из кабинета неся возмущенный голос Блевинса.

— Виноват, — сказал мужчина, краснея до корней волос. Он был примерно одних со мной лет.

В следующий миг он метнулся вперед, чтобы помочь мне встать, отчего дверь с силой распахнулась настежь — аккуратно мне по щиколотке. Я вскрикнула от боли. Череда гневных инвектив из кабинета оборвалась на полуслове.

Блевинс — седая грива уложена идеальной волной, одет так, будто готов в любую минуту выступить присяжным экспертом, — вышел из кабинета и осуждающе воззрился на меня сверху вниз.

— Что вы тут делаете? — спросил он, словно застал меня за подглядыванием в замочную скважину.

— Извините, мисс, это я виноват, — вымолвил молодой человек, вновь протягивая мне руку.

Блевинс ухватился за дверь и потянул ее на себя.

— Думайте, где идете, — обратился он ко мне. — Если бы вы шли *посередине* коридора, столкновения бы не произошло. Потрудитесь немедленно встать и удалиться.

Блевинс глянул на молодого человека с выражением, которое я из своей позиции разобрать не смогла, и ушел в кабинет, хлопнув напоследок дверью.

..... ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ДОДО .....

Мгновение мы оторопело молчали, затем молодой человек протянул мне руку, и я, поблагодарив его кивком, встала. Мы стояли довольно близко друг к другу.

— Я... — снова начал он. — Я очень извиняюсь...

— Пустяки, — ответила я. — Ну ты и впрямь хорош, если сумел разозлить Роджера Блевинса.

Он глянул растерянно, как будто в его кругах не принято ругать начальство. В итоге мы устали друг на друга, причем без всякой неловкости. Он был приятной наружности, типаж выпускника военной кафедры, и, судя по выражению, моя внешность тоже его не отталкивала, хотя обычно ребята из КПОЗ на меня не заглядываются.

Внезапно он протянул руку и представился:

— Тристан Лионс.

— Мелисанда Стоукс, — ответила я.

— Ты с кафедры древних и классических языков?

— Да. Жалкий и забитый внештатный преподаватель.

И вновь тот же оторопелый, осторожный взгляд.

— Я угощу тебя кофе, — проговорил Тристан.

Наглость с его стороны, конечно, но отшить человека, который взбесил Блевинса, было бы черной неблагодарностью.

Он предложил пойти в «Апостольское кафе» на Сентрал-сквер, минутах в десяти ходьбы по Массачусетс-авеню. Стояло то время года, когда в Бостоне уже отчетливо чувствуется осень и семь с лишним десятков университетов и колледжей выходят из летней спячки. Улицы наполнились минивэнами: родители со всего Северо-Запада перевозили детей в общежития и на съемные квартиры. На тротуарах теснились облезлые диваны и другой хлам на выброс. Добавьте всегдашнее городское движение — пешеходов, машины, велосипеды, трамваи, автобусы, троллейбусы — и все они куда-то спешат, толкаются,

грохочут. Тристан, воспользовавшись предложением, взял меня за локоть. Это какая самоуверенность нужна, чтобы такое себе позволить? Да и просто вообразить, будто в такой толкучке можно идти рядом. Однако он упорно протискивался вперед, бросая на ходу извинения. Точно не здешний.

— Ты хорошо меня слышишь? — спросил он почти в ухо (я шла на полшага впереди).

Я кивнула.

— Позволь кое-что объяснить тебе по дороге. Если к тому времени, как мы доберемся до кафе, ты сочтешь меня психом или маньяком, просто скажи, я закажу тебе кофе и уйду своей дорогой. Но если ты не сочтешь меня психом или маньяком, то нам предстоит очень серьезный разговор, возможно, на несколько часов. У тебя есть планы на обед?

В моем тогдашнем кругу такое поведение было настолько неприемлемо, что я до сих пор удивляюсь, почему не развернулась и не пошла прочь. Но на самом деле его неотесанность и грубоватая прямота мне скорее импонировали. И, надо сознаться, я хотела узнать, что он скажет.

— Возможно, есть, — ответила я. (Ложь: никаких планов у меня не было.)

— Ладно, слушай, — начал он. — Я работаю на теневую правительственную структуру, о которой ты никогда не слышала, и если попытаешься ее загуглить, то не найдешь ни одной ссылки, даже у чокнутых конспирологов.

— Никто, кроме чокнутых конспирологов, в жизни не скажет «теневая правительственная структура».

— Вот потому-то я так ее и назвал. Не хочу, чтобы меня принимали всерьез — моей работе лишнее внимание ни к чему. Так вот, наше предложение. Скажи, если заинтересуешься. У нас есть некоторое количест-

..... ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ДОДО .....

во очень старых документов — в частности клинописных, — и нам нужно, чтобы все их перевел, хотя бы в общих чертах, один и тот же человек. Заплатим очень хорошо. Но я не могу рассказать, где и как мы добыли эти документы или почему они нас интересуют. И ты не сможешь никому об этом рассказать. Даже упомянуть в компании друзей: «Ах да, я делала секретный перевод для правительства». И если мы опубликуем твой перевод, у тебя не будет на него авторского права. Если ты узнаешь из переведенного материала нечто исключительное, ты не сможешь поделиться этим с миром. Ты — винтик в механизме. Анонимный винтик. И для продолжения разговора ты должна с этим согласиться.

— Так вот за что Блевинс тебя вышвырнул, — заметила я.

— Да, он приверженец идеалов научной свободы.

Дорогой читатель, оцени, что я не заржала не рассмеялась ему в лицо.

— Ничего подобного.

Тристан снова оторопел и посмотрел на меня, как щенок, которому наступили на хвост. Поправка: учитывая его кпозовскую выправку, пусть будет взрослой овчаркой.

— Он возмутился, что не получит славы и гонораров за публикации, — пояснила я. — Но вслух этого сказать не мог. Поэтому идеалы научной свободы и все такое.

Пока мы переходили Темпл-стрит, Тристан кроме шуток обдумывал услышанное. Таких учат уважать начальство. У Блевинса, безусловно, чрезвычайно начальственные замашки. Так что это была маленькая проверка. Взорвется ли его прямолинейный мозг?

Сквозь толпу я различила в золотом осеннем свете вход на станцию «Сентрал-сквер».

— А ты как к этому относишься? — спросил Тристан.

••• НИЛ СТИВЕНСОН, НИКОЛЬ ГАЛЛАНД •••

— К научной свободе? Или к работе за деньги?

— Ты еще не столкнула меня с тротуара. Так что, полагаю, мы говорим о втором.

— Зависит от величины чека.

Он назвал сумму, вдвое превышающую мой годовой оклад, с оговоркой: «...как только ты убедишь меня, что справишься с этой работой».

— Для чего будут использоваться переводы?

— Засекречено.

Я лихорадочно соображала: есть ли у меня причины отказаться от этой выгодной подработки?

— Не могут ли они прямо или косвенно спровоцировать неблагоприятные действия или физическое насилие со стороны твоей теневой структуры?

— Засекречено.

— Это означает «да», — заметила я. — Или хотя бы «возможно». Иначе ты бы просто сказал «нет».

— Сумма, которую я сейчас назвал, — это полугодовой контракт. С возобновлением по обоюдному желанию. Дополнительные бонусы обсуждаемы. И мы пьем вместе кофе или нет?

Мы как раз приближались к «Апостольскому кафе».

— От кофе беды не будет. — Я тянула время, пытаюсь просчитать в голове: зарплата в четыре раза больше, чем на моей нынешней должности. Плюс бонусы. Не говоря уже о смене начальства.

Мы вошли в кафе — очень красивое кирпичное здание бывшей старинной церкви, с высоким сводчатым потолком, витражами и неуместно современными столами и стульями на мраморном полу. Здесь была ультрасовременная кофемашина и — к немалому моему смущению — стойка ровно там, где должен был размещаться алтарь. Бар огибал внутреннюю стену апсиды. Заведение открылось совсем недавно, но уже завоевало популярность у техногиков из Гарварда и Массачусетского

..... ВЗЛЕТ И ПАДЕНИЕ ДОДО .....

технологического. Я сюда попала впервые и слегка поза-видовала, что в Кембридже не столько лингвистов, чтобы обзавестись таким же уютным излюбленным местечком.

— Что желаете? — спросила бариста, девушка азиатской внешности с интересным пирсингом, татуированными бровями и манерой общения, в которой мешалось «я такая неординарная, а эта работа — такой отстой» и «у меня по-настоящему крутая тайная жизнь, а эта работа — просто уродливый фасад». На кармашке у нее было вышито: «Джулия Ли. Профессиональная «聪明的驴子·双簧管». (Что я перевела примерно как «гобоистка-приколистка»).

Мы заказали кофе. Тристан — черный, я — то, чего никогда бы в нормальных обстоятельствах не взяла: какое-то арт-латте с экзотическими добавками — я методом тыка прочла название в меню над баром, вызвав у баристы чуть заметную усмешку. Я рассудила, что агентов теневых правительственных структур наверняка учат психологически оценивать потенциальных рекрутов, и не хотела, чтобы Тристан все обо мне узнал раньше, чем я решу, соглашаться ли на его предложение. (И еще он был довольно симпатичный, и я слегка дрожала, так что решила спрятать нервозность за деланой экстравагантностью.) В итоге у него оказалась чашка чудесно пахнущего кофе, а у меня нечто малопригодное для питья.

— Ты заказала это, чтобы сбить меня со следа на случай, если я занимаюсь какой-то ниндзя-психооценкой твоей личности, — заметил Тристан тоном небрежного предположения. — По иронии это говорит о тебе больше, чем если бы ты просто взяла что всегда.

Вид у меня, вероятно, был ошеломленный, потому что он ухмыльнулся с почти зверским самодовольством. Было что-то пугающе завораживающее в том, что тебя полностью раскусили так быстро и без всяких видимых усилий. У меня вспыхнули щеки.